

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №4, Том 6 / 2018, No 4, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-4-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/75PDMN418.pdf>

Статья поступила в редакцию 03.08.2018; опубликована 21.09.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Богуславский М.В., Ладыжец Н.С., Неборский Е.В., Санникова О.В. Глобальные, национальные и региональные вызовы как условия развития транзитивного университета // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №4, <https://mir-nauki.com/PDF/75PDMN418.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Boguslavsky M.V., Ladyzhets N.S., Neborsky E.V., Sannikova O.V. (2018). Global, national and regional challenges as the conditions of transitive university development. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 4(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/75PDMN418.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект №18-013-00447-а «Транзитивный университет в условиях глобальных, национальных и региональных вызовов»

УДК 378.4

ГРНТИ 14.15.15

Богуславский Михаил Викторович

ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», Москва, Россия
Заведующий центром истории педагогики и образования
Доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО
E-mail: hist2001@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=517311

Ладыжец Наталья Сергеевна

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия
Заведующий кафедрой «Социологии»
Доктор философских наук, профессор
E-mail: Ins07@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=250926

Неборский Егор Валентинович

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия
Доцент кафедры «Педагогики и педагогической психологии»
Кандидат педагогических наук
E-mail: neborskiy@list.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=624480

Санникова Ольга Владимировна

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия
Заместитель заведующего кафедрой «Социологии»
Доктор социологических наук, доцент
E-mail: alexbor@udm.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=230762

**Глобальные, национальные
и региональные вызовы как условия развития
транзитивного университета**

Аннотация. Современные региональные университеты часто оказываются транзитными, т.е. временно используемыми зонами для получения образования и накопления социального опыта с целью образовательной и последующей трудовой миграции в мегаполисы и вузы более благополучных регионов России. Такая убыль населения, представленная, преимущественно, наиболее конкурентоспособной, мотивированной на профессиональную самореализацию и карьеру молодежью, может стать критическим фактором для региона. Важным представляется структурирование глобальных, национальных и региональных вызовов как условия дальнейшего превращения транзитного университета в трансформационный, транзитивный университет. В настоящее время одним из примеров рискогенного региона образовательно-трудового транзита является Удмуртская Республика. Авторами исследования структурированы наиболее значимые глобальные, национальные и региональные вызовы на примере Удмуртской Республики. Среди глобальных вызовов: рост конкуренции; коммерциализация научной и образовательной деятельности; изменение контуров рынка труда; испытание идентичностью; рост подотчетности перед ключевыми стейкхолдерами. Среди национальных вызовов: сырьевой сценарий социально-экономического развития; снижение качества общего образования; дисбаланс между центром и периферией; конкуренцию с зарубежными университетами и исследовательскими центрами; демографические «ножницы». Среди региональных вызовов в Удмуртии: некомпенсируемая образовательная миграция; преемственность поколений специалистов на рынке труда; традиционные отрасли промышленности. Современные государственные университеты Удмуртии, прилагающие определенные административные усилия в направлении повышения конкурентоспособности, остаются, преимущественно, транзитными университетами для бакалавров, получающих бюджетную, либо относительно низкостоимостную, но достаточно качественную подготовку по своим направлениям, которая позволяет в дальнейшем успешно конкурировать за бюджетные места в магистратурах университетов мегаполисов. Комплексный подход к решению задач, связанных с указанными вызовами, может сформировать основания для перехода от формата транзитного университета к транзитивному. Авторы приходят к выводу, что особая роль в транзитивных университетах должна отводиться университетской науке. Наука, в свою очередь, должна развиваться не только как проблемно ориентированная, с учетом потребностей региона, но и выполнять – в тесном взаимодействии с правительственными подразделениями республики, промышленностью, бизнесом и культурой – экспертные и прогностические функции, инициативно предлагая взаимно интересные сценарии проектного многоуровневого сотрудничества.

Ключевые слова: университет; транзитный университет; транзитивный университет; образовательная миграция; глобализация; глобальные вызовы; национальные вызовы; региональные вызовы

Введение

Развитие университетской сферы на современном этапе определяется множеством факторов, как внутренних, так и внешних. Особое место в проблематике исследований занимают региональные университеты как наиболее уязвимые социальные институты, чья роль не перестает быть важной внутри региона, однако, реализация ими функций центров формирования и приращения человеческого капитала часто оказывается затруднена. Неравномерность социально-экономического развития регионов Российской Федерации становится причиной появления нового феномена – образовательной мобильности, которая в последствии превращается в трудовую.

Существуют различные стратегии образовательной мобильности, одной из которых становится использование регионального университета в качестве стартовой площадки.

Возникает феномен *транзитного университета*, который можно определить, как временно используемую зону транзита для получения образования и накопления социального опыта с целью последующей трудовой и образовательной миграции в мегаполисы и вузы более благополучных регионов России [1]. Очевидно, что результат для региона через определенный промежуток времени может оказаться достаточно критическим. Поэтому новый феномен требует не только осмысления, но и поиска инструментов для принятия управленческих решений и сопряженного взаимодействия всех контрагентов и стейкхолдеров региона. Соответственно, важным представляется структурирование глобальных, национальных и региональных вызовов как условия дальнейшего превращения транзитного университета в **трансформационный, транзитивный университет**, претендующий не только на оптимизацию традиционных видов университетской деятельности, но и на реализацию «третьей миссии», на создание новых партнерских региональных корпораций, обеспечивающих развитие новых направлений подготовки и высокотехнологичных отраслей в регионе. В настоящее время одним из примеров рискогенного региона образовательно-трудового транзита является Удмуртская республика.

1. Глобальные вызовы

Глобализация и связанные с ней глобальные вызовы являются одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на социум. Всемирный экономический форум в Давосе, под руководством К. Шваба, начиная с 2007 года, ежегодно публикует доклад о глобальных рисках, способных принести наибольший ущерб и/или обладающих большой степенью влияния, т. е. имеющих серьезные и далеко идущие последствия. Состав рисков варьируется, но многие из них стабильно присутствуют в общем списке, перемещаясь только с одной позиции на другую. Среди глобальных рисков, например, 2017 года, объявлены: экстремальные погодные условия, масштабная вынужденная миграция, стихийные бедствия, террористические атаки, мошенничество/кража данных (в кибер-сфере), неэффективность государственного управления, безработица и неполная занятость и т. д. [2]. Глобальные риски анализировались также и в контексте развития университетов [3, 4]. Между тем, процессы глобализации влекут за собой достаточно широкий спектр социальных изменений, затрагивающих не только национальные государства, но и отдельные регионы. В частности, такие вызовы актуализируются и для стратегического развития современных региональных университетов.

Рост конкуренции. Конкуренция, в том или ином виде, практически всегда существовала в университетской сфере, но в последнее десятилетие эти процессы получили заметное усиление, вовлекая в гонку не только университетский менеджмент, но и целые государства [5]. Крупные университеты в центрах всегда обладали рядом преимуществ, дополнительных привилегий и льгот, но, благодаря росту мобильности населения, возможностям, которые открывают современные цифровые технологии, региональные университеты теперь уже не обладают монополией на абитуриентов своего региона. Еще одним важным фактором становятся международные и национальные рейтинги, провоцирующие усиление внимания по отношению к более успешным центральным университетам. Рейтинги становятся инструментом маркетинговой борьбы за абитуриента [6], способствуя концентрации ресурсов в крупных университетах. Это влечет за собой дисбаланс, утрату человеческого капитала в регионах и снижение их конкурентоспособности.

Коммерциализация научной и образовательной деятельности или так называемый феномен «академического капитализма», возникает тогда, когда бюджет оказывает прямое влияние на разработку образовательных курсов, выбор направлений исследований и повышает зависимость университетов от источников ресурсов. Со времен первого проведенного обширного исследования Ш. Слотер и Л. Лесли [7], опубликовано немало работ, где

представлена критика этого феномена и возможные способы минимизации рисков, связанных с коммерциализацией. Российские университеты пока еще остаются только в начальной стадии данного процесса. Некоторые эксперты даже отмечают, что отечественная сфера высшего образования пока еще страдает, скорее, от наследия прошлого, чем от превращения образования в товар [8]. Между тем, региональные университеты еще во многом зависят от финансирования государства, поскольку реальные доходы и покупательная способность местного населения значительно отличается от покупательной способности населения в центральных районах.

Изменение контуров рынка труда является одной из наиболее явных черт современного социума. Профессиональные практики отныне не привязаны к локальной точке производства или месту проживания наемного работника. Помимо технологий и более высокой мобильности населения, в эти процессы свою лепту вносят и экономические вопросы рентабельности. Сегодня нередко крупные компании сами переносят производства в другие регионы и даже страны, либо нанимают не коренное население, не требующее высокого уровня заработной платы. В этих условиях целью многих абитуриентов становится получение навыков, позволяющих им занять вакансию, в том числе, за пределами своего региона, а иногда и страны. Это влечет за собой включение университетов в мировой рынок труда и частичный выход за пределы социального заказа региона, принуждая также к регулярному обновлению образовательных курсов, с учетом их применимости к актуальной ситуации и специфики спроса. Особенность ситуации заключается в том, что и региональные университеты, хотя и в меньшей степени, но также вынуждены обращаться к мировым образовательным новшествам и трендам. Помимо аккредитационных и рейтинговых показателей, они должны ориентироваться на то, что и региональный потребитель образовательных программ, при необходимости, сегодня получает в разы больше информации о современном мире, чем двадцать лет назад, а по завершении образования также с меньшими препятствиями может выбрать вариант миграционного и эмиграционного трудоустройства.

Испытание идентичностью. Оно возникает, когда в процессе интеграции культур, добавления элементов одной культуры в другую, появляется многовариантный выбор идентичностей, комбинации которых могут не совпадать с национальными традициями, нормами и ценностями. Для региональных университетов, на первый взгляд, это не кажется серьезным вызовом. Однако открытость современного мира, поддерживаемая технологиями и международной активностью, позволяет людям, живущим в одном регионе современной цивилизации, пользоваться импортными продуктами другой. Изучению процессов и проблем культурной глобализации посвящено множество научных исследований, в том числе – о влиянии глобальной культуры на локальные сообщества, об использовании английского языка в качестве второго языка регулярной коммуникации [9] и ряд других. Высшее образование подпитывается не только традициями локальных сообществ, этнических групп и национального государства, но и культурными кодами и символами, приходящими извне.

Рост подотчетности перед ключевыми стейкхолдерами сегодня может рассматриваться как форма ожидания инвестиционной рентабельности университета в научных исследованиях и образовательных программах. Такого рода позиция может показаться исключительно потребительской, но многое зависит от оценочной точки зрения. Совершенно очевидно то, что государственные университеты получают косвенные доходы от налоговых траншей в казну государства, в то время как частные – напрямую от платы за обучение. И в том, и в другом случае есть плательщики, которых можно определить как условных инвесторов, чей интерес связан с обеспечением формирования и приращения человеческого капитала, либо также условно – с получением прибыли.

Вопросы, которые задают стейкхолдеры университетам, представлены двумя основными: насколько успешными являются образовательные программы, и какой вклад университеты вносят в модернизацию страны? [10]. Иногда общественные обсуждения начинают фокусироваться на чрезмерно высоких зарплатах ректоров и президентов, махинациях с данными, попадающими в рейтинги и т. д. [11]. Здесь, вероятно, следует согласиться с тем, что образование и наука являются общественным благом, и государство должно выступать гарантом того, чтобы они не стали чьей-либо собственностью, либо монополией, и в этом смысле кажется абсурдным применять к ним экономические принципы. Но важно отдавать себе отчет также и в том, что плательщики как условные инвесторы обладают моральным правом на подобные вопросы. Инвесторы, стремясь получить лучшее для себя, провоцируют рост качества продукта и для других участников. Высшее образование и наука – это специфические области, и выгодоприобретателями, в том или ином виде, становятся не только все взаимодействующие стороны, но и многие субъекты более масштабного социального процесса. Это – не случайно, поскольку эффекты от производимых университетами образовательных и научных продуктов зачастую имеют гораздо большие ресурсные основания и возможности вариативного применения, чем в других отраслях производств. Особенно это ощутимо на периферии – в менее крупных регионах, где университеты тесно сотрудничают с производствами и бизнесом, осуществляя подготовку специалистов для конкретных отраслей.

2. Национальные вызовы

Траектории будущего развития российских университетов и высшего образования уже становились предметом специальных исследований. Эксперты Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета полагают, что ситуация в этой сфере будет определяться конкуренцией четырех сценариев развития страны: «сырьевое будущее», «догоняющая модернизация», «локальное лидерство», «когнитивное общество» [12]. По результатам исследований выявлено четыре наиболее серьезных вызова для развития университетов России [13].

Сырьевой сценарий социально-экономического развития. Одной из важнейших проблем, вызывающих наибольшее опасение экспертов, является тот факт, что социально-экономическое развитие России будет продолжаться в русле «торговли нефтью, газом и лесом». Как отмечают исследователи, Россия продолжает сохранять приверженность курсу на построение «энергетической сверхдержавы», когда ресурсы являются едва ли не главным инструментом внешней политики, а неопределенность социально-экономического развития страны вытекает из процессов освоения ресурсов как таковых [14]. Об этом же, только в иной формулировке говорится в «Прогнозе экономического развития России до 2050 года», выполненном в рамках подпрограммы исследований Президиума РАН «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» [15]. Тенденция роста спроса на рабочие кадры на рынке труда и более конкурентные ставки заработных плат в сырьевой сфере, провоцирует ряд последствий для университетов. В ряду основных можно выделить следующие.

Во-первых, – отток абитуриентов, поскольку получать высшее образование в более длительные, чем среднее профессиональное образование сроки при угрозе конвертации диплома в низкую ставку заработной платы в будущем станет крайне нецелесообразно для многих молодых людей. Во-вторых, – снижение доли инноваций в экономике. Российский рынок высоких технологий еще не так развит, как в США, Европе или Японии, и большая часть таких технологий закупается за границей в обмен на природные ресурсы. При сохранении сырьевого сценария эта тенденция будет только усиливаться, поскольку разрабатывать

собственные продукты прорывных технологий в таких условиях не всегда оказывается коммерчески выгодным мероприятием. В-третьих, – сокращение потребности в специалистах в высокотехнологичных видах экономической деятельности, связанное со снижением доли инноваций в экономике. В-четвертых, – снижение качества высшего образования в результате роста бюрократизованности, уменьшения доли фундаментальных исследований, в частности – инновационной направленности, его формализация и ориентация на академические критерии внешней оценки, либо – исключительно на профессиональные компетенции и частные прикладные задачи. В-пятых, – «утечка мозгов», которая станет неизбежной вследствие низкой востребованности инноваций и специалистов в высокотехнологичных отраслях в большинстве российских регионов.

Снижение качества общего образования. Это отдельная тема для обсуждения, требующая большой выборки статистических данных за длительный отрезок времени. Между тем, исследователи отмечают, что у многих первокурсников отсутствует системность суммируемых знаний и способность проводить необходимые логические рассуждения. Ситуация усугубляется тем, что количество баллов по конкретному предмету в рамках ЕГЭ не всегда гарантирует качество подготовки, и университеты вынуждены «доучивать» студентов первых курсов по школьной программе [16]. Здесь следует признать, что школа и университет – это два совершенно разных образовательных института, и разрыв в преемственности между ними со временем будет только увеличиваться. С одной стороны, ЕГЭ открывает возможности для образовательной миграции абитуриентов в ведущие университеты страны, с другой, – региональные университеты оказываются в ситуации, когда абитуриенты поступают с более низкими баллами, не выдержав конкуренции в ведущих университетах. Именно поэтому однозначное утверждение о снижении качества общего образования было бы голословным заявлением, но проблема миграции наиболее успешных выпускников в мегаполисы и приема в региональные вузы менее успешных, действительно, существует.

Дисбаланс между центром и периферией. Ключевой проблемой современных университетов становится недостаток финансирования, который, в свою очередь, создает препятствия для устойчивого развития [17], и государства реализуют дифференцированную политику в этой области. В частности, множество стран включилось в реализацию программ «университеты мирового класса» [18]. В этом отношении интересен опыт Китая, где с 1995 г. реализуется программа 21/1 и с 1998 года – программа 98/5, направленные на создание университетов мирового уровня [19]. Как показывают исследования, программы принесли ощутимые результаты спустя 20 лет [20]. Российская система высшего образования фактически только начала движение к такого рода программам, (например, «5-100»), сопровождающееся пересмотром целей, средств их достижения, критериев оценки и рядом других трансформационных изменений, приводящих на данном этапе к еще большему расслоению без предъявления интеграционных механизмов, в которых бы были заинтересованы все участники расширенных форматов социального взаимодействия. Адресное финансирование крупных университетов в центральных регионах, вошедших в федеральные целевые образовательные программы, приводит к заметной диспропорции в масштабе страны. Кроме того, такие факторы, как отсутствие механизмов, регулирующих конфликт интересов в деятельности администрации конкретного университета, а также недостаточные технические, материальные и человеческие ресурсы региональных университетов, – усугубляют разрыв между центром и периферией [21, 22].

Конкуренция с зарубежными университетами и исследовательскими центрами. НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) или R&D (Research and Development) на современном этапе становится одним из факторов развития социально-экономических систем, поэтому инвестиции в эту отрасль имеют важнейшее значение. Так, например, в США совокупные инвестиции в НИОКР в 2016 году составили 511

млрд долларов и 2,7 % ВВП. Для сравнения: Китай – 451 млрд долларов и 2,1 % ВВП; Япония – 165 млрд долларов и 3,1 % ВВП; Германия – 118 млрд долларов и 2,9 % ВВП; Южная Корея – 77 млрд долларов и 4,2 % ВВП; Франция – 62 млрд долларов и 2,2 % ВВП; Индия – 50 млрд долларов и 0,6 % ВВП; Великобритания – 47 млрд долларов и 1,7 % ВВП; Бразилия – 41 млрд долларов и 1,2 % ВВП; Россия – 37 млрд долларов и 1,1 % ВВП [23]. Среди стран БРИКС Россия меньше всего инвестирует в НИОКР, и в будущем это может иметь негативные последствия.

Между тем, каналы получения новых технологий и разработок оказываются различны – это университеты, научно-исследовательские институты, корпоративные исследовательские центры, расположенные на производствах и т. д. Сложность ситуации для российских университетов заключается в том, что их институционализация в форме образовательных организаций заметно ограничивает их возможности, делает слабее в конкуренции с зарубежными университетами. Некоторые эксперты в отделении науки и практической медицины от университетов в России видят фактор торможения развития социально-экономической системы [24]. В современных условиях, когда университеты за рубежом становятся площадкой для инновационных исследовательских разработок и перманентных поисков инноваций при участии частного бизнеса, российские университеты втягиваются в конкуренцию не только с зарубежными университетами и исследовательскими центрами, но и с российскими же научно-исследовательскими институтами, часто работающими по государственному заданию. Критерием объема государственного финансирования университетов до 2018 г. являлось количество студентов, а требования в подотчетности предъявлялись одновременно и как к научным, и как к образовательным организациям. Новое министерство, курирующее науку и высшее образование, пока не установило нормативное регулирование в этом вопросе. Кроме того, как отмечают отечественные исследователи, российская система высшего образования страдает, скорее, от наследия прошлого, чем от тенденций превращения высшего образования в сферу реального подчинения труда капиталу [8]. В силу целого ряда причин социально-гуманитарная наука советского, перестроечного и современного периодов была и остается малоизвестной для Запада, также, как и малоинтересной. Языковой барьер, особенности национального профессионального менталитета и дискурса, практики конъюнктурно-политической блокировки даже наработанных программ сотрудничества – по существу формируют объективные основания более низких рейтинговых показателей конкурентоспособности специалистов социально-гуманитарной сферы [25].

Между тем, это – далеко неполный список национальных вызовов, с которыми сталкиваются российские университеты. Его можно продолжить, обсуждать и корректировать, поскольку ряд вызовов является продолжением уже названных, либо они оказываются тесно взаимосвязаны. Это, в частности, приводит к проблематичности их выделения и анализа. Тем не менее, еще один, существенный для региона Удмуртия и продолжающий воздействие на региональные университеты других субъектов Федерации, начиная с 2010 г., предлагается к рассмотрению.

Демографические «ножницы». С одной стороны, в сфере высшего образования наблюдается ежегодно снижающийся приток абитуриентов. Именно с ним связано «качество» образования поступающих. Как уже упоминалось ранее, говорить в целом о снижении уровня общего образования, было бы не совсем уместно без длительных по времени исследований данного вопроса. В то же время, количество бюджетных мест в последние годы снижалось медленнее, чем количество желающих приступить к обучению в университете, что отражалось на конкурсе в регионах и приводило к зачислению имеющих не самые высокие аттестационные баллы.

Если говорить о выпускниках школ, получивших аттестат о среднем общем образовании, то численность выпускников-одинадцатиклассников в РФ составляла: 1458 тыс. чел. в 2000 году; 789 тыс. чел. в 2010 году; 648 тыс. чел. в 2015 году. В то же время численность студентов в РФ составила: 4270,8 тыс. чел. в 2000 году; 5848,7 тыс. чел. в 2010 году; 4061,4 тыс. чел. в 2015 году [26]. Между тем, количество образовательных организаций высшего образования сократилось с 1619 учреждений (из которых – 1100 государственных и муниципальных, 519 частных) в 2005/2006 учебном году, до 840 учреждений (из которых – 597 государственных и муниципальных, 243 частных) в 2016/2017 учебном году [27] и продолжает сокращаться. Очевидно, что демографическая проблема привела не только к сокращению числа студентов, но и числа учебных заведений. При этом число бюджетных мест, хотя и сокращалось, но в соотношении с количеством принятых абитуриентов, происходило значительно медленнее: 586,8 тыс. чел. принято на бюджет из 1458 тыс. окончивших 11 классов в 2000 году; 519 тыс. чел. принято на бюджет из 789 тыс. окончивших 11 классов в 2010 году; 520,8 тыс. чел. принято на бюджет из 648 тыс. окончивших 11 классов в 2015 году; 530 тыс. чел. принято на бюджет из 614 тыс. окончивших 11 классов в 2017 году. Следовательно, доступность высшего образования в 2000 году составляла 40,25 %, а в 2017 году – 86,32 %. В свою очередь, это свидетельствует о снижении конкуренции среди абитуриентов, наводя общественность на мысль о снижении «качества» общего образования.

С другой стороны, в демографических «ножницах» наблюдается еще одна проблема: медленное старение кадров высшей квалификации. Это связано с рядом причин: падением престижа профессии, низкой ставкой заработной платы, крайне забюрократизированной карьерной лестницей, когда количественные показатели играют более важную роль, чем качественные и т. д., что, в свою очередь, отталкивает молодых людей от занятий наукой. Эксперты отмечают, что формализованный подход к оценке продуктивности научно-исследовательской деятельности преподавателей университетов в формате эффективного контракта привел к существенному снижению собственно исследовательской и патентной активности в университетах. Доходы от использования результатов интеллектуальной деятельности в общих доходах у подавляющего большинства российских университетов едва ли не равны нулю [28]. В связи с этим существует необходимость законодательного снижения нагрузки преподавателя университета как условия сохранения кадрового потенциала [29], поскольку российские вузы больше ориентированы на преподавание, а не на исследовательскую деятельность (63 % против 37 %) [30], и, следовательно, ставка заработной платы оказывается привязана к «горловой нагрузке» преподавателя.

Но здесь возникает так называемая «ловушка аудиторных часов»: рост заработков ППС может обеспечиваться сокращением его численности, а сокращение численности ППС ставит под вопрос выполнение аудиторной нагрузки учебных программ [31]. Низкая заработная плата и высокая аудиторная нагрузка, в свою очередь, отпугивают многих молодых людей от работы в университете. Падает престиж профессии преподавателя высшей школы [32]. Численность штатных работников профессорско-преподавательского состава в РФ составляла: 279,6 тыс. чел. в 2000 году; 356,8 тыс. чел. в 2010 году; 299,8 тыс. чел. в 2015 году; 261 тыс. чел. в 2016 году [26].

3. Региональные вызовы

Каждый регион обладает собственным социально-экономическим фоном, связанным с комплексом факторов, как географических, так и политических. Это обуславливает вектор развития региональных университетов, ориентированных на социальный заказ региона. Региональные вызовы актуализированы и в Удмуртской Республике, входящей в состав Приволжского федерального округа и являющейся частью Уральского экономического района

куда входят: Башкортостан, Курганская область, Оренбургская область, Пермский край, Свердловская область, Удмуртская Республика, Челябинская область.

Численность населения Удмуртской Республики составляла: 1550,1 тыс. чел. В 2005 году; 1522,8 тыс. чел. В 2010 году; 1517,3 тыс. чел. В 2015 году; 1517 тыс. чел. В 2016 году. По данным Росстата за 2016 год, Удмуртия занимает 24 место в РФ по количеству рождающихся на 1000 чел. И 30 место по количеству умерших на 1000 чел. В 2017 году за пределы УР мигрировало 17838 чел., из которых 15872 чел. В другие регионы РФ и 1966 чел. За пределы РФ [33]. В целом наблюдается тенденция снижения численности региона, но она еще не является критической.

Численность выпускников школ в УР составляла: 23,4 тыс. чел. в 2005 году; 15 тыс. чел. в 2010 году; 14,3 тыс. чел. в 2015 году. Численность студентов в УР составляла: 71,8 тыс. чел. в 2005/2006 учебном году; 73,3 тыс. чел. в 2010/2011 учебном году; 51,3 тыс. чел. в 2015/2016 учебном году; 47,9 тыс. чел. в 2016-2017 учебном году [27]. При этом численность студентов, поступивших сразу после окончания школы на очную форму обучения, составила 3937 чел., а показатель востребованности региональной системы высшего образования составил 94 % в 2015/2016 учебном году. Численность трудоустроенных выпускников в УР в 2016 г. составила 9208 чел., численность выпускников, трудоустроенных в другом регионе – 3014 чел., а показатель послевузовской миграции – 33 %. Среди регионов-магнитов эксперты из ВШЭ выделили: Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Республику Татарстан, Москву и Московскую область, Свердловскую область [34].

В Удмуртской Республике насчитывается 7 организаций высшего образования: Удмуртский государственный университет (14535 студентов); Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова (12386 студентов); Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (7942 студента); Ижевская государственная медицинская академия (2872 студента); Восточно-европейский институт (негосударственный, 2750 студентов); Камский институт гуманитарных и инженерных технологий (негосударственный, 1717 студентов, лишен государственной аккредитации образовательной деятельности – Приказ №620 от 19.04.2016 и к 2020 году прекратит работу, осуществив последний выпуск набора 2015 года); Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко (1698 студентов).

Таким образом, можно сказать о том, что в целом количество учебных заведений, в том числе их дифференциация по образовательным программам, – с направлениями подготовки от гуманитарных до сельскохозяйственных, – включающим бакалавриат, специалитет и магистратуру можно считать удовлетворительным.

Некомпенсируемая образовательная миграция остается на этом фоне важнейшим региональным вызовом для Удмуртской Республики и следствием целого ряда причин. Во-первых, – это реорганизация в сфере высшего образования, связанная с созданием опорных вузов и концентрацией ресурсов за пределами региональных университетов, что влечет за собой неопределенность, сокращение аспирантур, магистратур и возрастание рисков для абитуриентов. Во-вторых, – это недостаточная поддержка молодежи, ее социальных гарантий, последующего трудоустройства и отсутствие возможностей построения карьеры в высокотехнологичных областях. В-третьих, – повышение возможностей мобильности и информационной осведомленности о качестве жизни в других регионах, в частности, в Республике Татарстан, провоцируют отток молодых людей из региона. В свою очередь, некомпенсируемая образовательная миграция влечет за собой депопуляцию районов Удмуртии и угрозу воспроизводству коренных этносов, снижает этническое разнообразие, разрушает преемственность традиций, культур и языков, угрожает культурной, социальной и политической стабильности в республике.

Преимственность поколений специалистов на рынке труда представляет собой один из важнейших вызовов для Удмуртской Республики. Традиционными отраслями промышленности в регионе являются машиностроение, металлообработка, черная металлургия и деревообрабатывающая промышленность. Ведущими – остаются оборонная промышленность, добыча нефти и сельское хозяйство. Отток абитуриентов в другие регионы затрудняет подготовку последующих поколений специалистов в этих отраслях, также комплектование заводов и производственных площадок необходимыми кадрами, особенно, в части производства комплектации высокоточного оружия [35].

Традиционные отрасли промышленности также являются одним из краеугольных камней в социально-экономическом развитии региона. Оборонная промышленность специализируется на государственных заказах и нуждах. Ее развитие ориентировано на поддержку государства, а это – сохранение и приращение рабочих мест, поступление налогов в региональный бюджет, увеличение платежеспособного населения и т. д. В нефтедобывающей и сельскохозяйственной отраслях дело обстоит несколько иначе, но и в них большую долю занимает государственное участие. Развитие малого бизнеса также зачастую сопряжено с этими сферами и во многом зависит от актуальной конъюнктуры. В структуре видов экономической деятельности столицы региона, города Ижевска, наибольшая доля представлена оптово-розничной торговлей – 33,7 % малых предприятий, 43,74 % – индивидуальных предпринимателей, а также операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг – 20,7 % и 16,7 %, соответственно [36].

4. Проблемное поле практик для перехода к транзитивному университету

Очевидно, что и глобальные, и национальные, и региональные вызовы в той или иной степени, как и для большинства университетов в российских регионах, остаются существенными для высших учебных заведений региона Удмуртия. В первую очередь, для государственных университетов Ижевска – столицы республики. Основная проблема заключается в том, что ведущие университеты Удмуртии остаются таковыми на своей территории. У республиканских государственных университетов нет статусных позиций как федеральных, исследовательских или опорных вузов, позволяющих рассчитывать на дополнительное бюджетное финансирование для собственного развития и координацию с региональными структурами, заинтересованными в создании новых бизнесов и направлений кооперативной деятельности.

Потоки образовательной миграции из региона на разных стадиях жизненных сценариев молодых людей в перспективе могут создать существенные проблемы для региона в целом. Большая доступность разных уровней вузовской подготовки в мегаполисах, привлекательность инфраструктуры больших городов, более высокий уровень жизни и карьерные перспективы в высокотехнологичных областях, слабо представленных в Ижевске, отсутствие правительственных кооперативных региональных программ подготовки по новым направлениям, с предоставлением целевых мест трудоустройства – в совокупности приводят к оттоку лучших абитуриентов и выпускников бакалавриата. За детьми, со временем, переезжают и старшие родственники. Численность населения республики может достичь критических значений, а развитие экономики окажется подвержено существенно большим рискам, чем это определяется для настоящего времени.

Современные государственные университеты Удмуртии, прилагающие определенные административные усилия в направлении повышения конкурентоспособности, остаются, преимущественно, *транзитными университетами* для бакалавров, получающих бюджетную, либо относительно низкостоимостную, но достаточно качественную подготовку по своим направлениям, которая позволяет в дальнейшем успешно конкурировать за бюджетные места

в магистратурах университетов мегаполисов. При сохранении такого положения дел риски региона в перспективе существенно возрастут, поскольку также все возможные участники кооперативного регионального взаимодействия остаются существовать в собственных ведомственных режимах, даже не рассматривая обоюдную выгоду в результате реального участия в открытии новых направлений подготовки и создании инновационных высокотехнологических производств для прорывного развития региона.

Заключение

Комплексный подход к решению этих задач может сформировать переход от формата *транзитного университета к транзитивному*. А.Е. Волков обращал внимание на то, что такой университет нового типа «всегда является ответом на новые группы глобальных вызовов» и «ставит задачу подготовки людей и команд, способных проектировать новые виды деятельности и обеспечивать трансформацию уже существующих» [37]. Совершенно особая роль в них отводится университетской науке, которая не только должна развиваться как проблемно ориентированная, с учетом потребностей региона, но и выполнять в тесном взаимодействии с правительственными подразделениями республики, промышленностью, бизнесом и культурой, экспертные и прогностические функции, инициативно предлагая взаимно интересные сценарии проектного многоуровневого сотрудничества. Создание инновационной экосистемы университета – первый шаг в этом направлении. И он должен быть сделан региональными университетами уже сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санникова О.В., Хотинец В.Ю. Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. № 1. С. 41-45.
2. Global Risks Report, 2017. 12th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2017. 78 p.
3. Ладыжец Н.С. Глобальные вызовы современным университетам // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 3. С. 249-254.
4. Неборский Е.В. Глобальные риски как вызов развитию современных университетов // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5, № 6. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/95PDMN617.pdf> (дата обращения 01.08.2018).
5. Baty P. BRICS & Emerging Economies University Rankings 2017: should emerging economies nurture world-class universities? // Times Higher Education. 2016. Nov., 30. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/brics-and-emerging-economies-university-rankings-2017-should-emerging-economies-nurture-world-class-universities> (дата обращения 01.08.2018).
6. Бибенина Е.В. Обоснованность применения рейтингов в качестве показателей эффективности университетов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 5 (32). С. 75-88.
7. Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore: John Hopkins University Press, 1999. 296 p.
8. Чепуренко А.Ю. Маркс в университете 3.0? // Социологические исследования. 2018. № 5 (409). С. 26-34.

9. Cleveland M., Laroche M., Papadopoulos N. You are what you speak? Globalization, multilingualism, consumer dispositions and consumption // *Journal of Business Research*. 2015. Vol.68, Issue 3. P. 542-552.
10. Stensaker B., Harvey L. *Accountability in Higher Education: Global Perspectives on Trust and Power*. New York: Routledge, 2011. 288 p.
11. Blumenstyk G. *American Higher Education in Crisis?: What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 216 p.
12. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: Аналитический доклад / Под ред. В.С. Ефимова. М.: ИНФРА-М, Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 294 с.
13. Ефимов В.С., Лаптева А.В., Румянцев М.В. Будущее высшей школы России: социально-экономические контексты и критические ситуации (по результатам Делфи-опроса экспертов) // *Университетское управление: практика и анализ*. 2012. № 2. С. 24-37.
14. Карева Д.Е., Шмат В.В. Туманное будущее российской экономики // *Идеи и идеалы*. 2017. Т. 1, № 1 (31). С. 46-67.
15. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, В.А. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.
16. Тимофеева Г.В., Сейферт И.В., Рябова А.В. О преемственности результатов ЕГЭ по математике в техническом ВУЗе // *Новая наука: проблемы и перспективы*. 2015. № 4. С. 69-77.
17. Aleixo A., Leal S., Azeiteiro U. Conceptualization of sustainable higher education institutions, roles, barriers, and challenges for sustainability: An exploratory study in Portugal // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 172. P. 1664-1673.
18. Marginson S. Higher education, economic inequality and social mobility: Implications for emerging East Asia // *International Journal of Educational Development*. 2017. In Press.
19. Zha Q. Diversification or homogenization: how governments and markets have combined to (re)shape Chinese higher education in its recent massification process // *Higher Education*. 2009. Vol. 58 (1). P. 41-58.
20. Hu J., Liu H., Chen Y., Qin J. Strategic planning and the stratification of Chinese higher education institutions // *International Journal of Educational Development*. 2017. In Press.
21. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Перспективы развития системы высшего образования в России // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2015. Т. 7, № 3. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/111PVN315.pdf> (дата обращения 01.08.2018).
22. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Концепция развития системы высшего образования в России // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2016. Т. 4, № 5. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN516.pdf> (дата обращения 01.08.2018).
23. *Science, Technology and Innovation // Sustainable Development Goals*. UNESCO Institute for Statistics, 2018. – URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en (дата обращения 01.08.2018).

24. Bothwell E. Russian binary system ‘damaging’ universities and science // Times Higher Education. 2016. Sept., 12. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/russian-binary-system-damaging-universities-and-science> (дата обращения 01.08.2018).
25. Ладыжец Н.С. Российские университеты: вызовы современности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16, № 1. С. 74-79.
26. Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. Р76. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. 686 с.
27. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 Стат. сб. / Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. 1402 с.
28. Романов Е.В., Романова Е.В. Кадровый потенциал высшей школы: достигли «дна» или «тонем»? // Alma-Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 67-76.
29. Романов Е.В. Нормирование нагрузки преподавателей: проблемы и поиск решений // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 4 (104). С. 64-81.
30. Как будет меняться управление университетами. Интервью главного редактора А.К. Ключева с ректором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Я.И. Кузьминовым и ректором Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина В.А. Кокшаровым // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 2 (102). С. 5-13.
31. Балацкий Е.В. Ловушка аудиторных часов и новая модель образования // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 63-69.
32. Сенашенко В.С. О престиже профессии «преподаватель высшей школы», ученых степеней и ученых званий // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 36-44.
33. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения 01.08.2018).
34. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д.В. Козлов, Д.П. Платонова, О.В. Лешуков // Современная аналитика образования № 4 (12). М.: НИУ ВШЭ, 2017. 32 с.
35. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. №24. С. 19-21.
36. Информация о результатах проведенного мониторинга деятельности субъектов малого предпринимательства в городе Ижевске за 2015 год. – Режим доступа: <http://www.izh.ru/i/info/25847.html> (дата обращения 01.08.2018).
37. Волков А.Е. Нерешаемые задачи как основа высшего образования. Интервью с А.Е. Волковым, ректором московской школы управления «Сколково» // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 273-277.

Boguslavsky Mikhail Viktorovich

Institute for strategy of education development of the Russian academy of education, Moscow, Russia
E-mail: hist2001@mail.ru

Ladyzhets Nataliya Sergeevna

Udmurt state university, Izhevsk, Russia
E-mail: lns07@mail.ru

Neborsky Egor Valentinovich

Udmurt state university, Izhevsk, Russia
E-mail: neborskiy@list.ru

Sannikova Olga Vladimirovna

Udmurt state university, Izhevsk, Russia
E-mail: alexbor@udm.ru

Global, national and regional challenges as the conditions of transitive university development

Abstract. Modern regional universities often are the transitive, i. e. temporarily used zones for education and accumulation of social experience for the purpose of educational and subsequent labor migration to megacities and universities of the more prosperous regions of Russia. Such a decrease in the population, which is presented, mostly, the most competitive, motivated by professional youth self-realization and career, can become a critical factor for the region. It is important to structure global, national and regional challenges as conditions for the further transformation of the transit university into a transformational, transitive university. At present, the Udmurt Republic is one example of a risky region of educational and labor transit. The authors of the research structured the most significant global, national and regional challenges on the example of the Udmurt Republic. Among global challenges: increased competition; commercialization of scientific and educational activities; changing the contours of the labor market; identity test; increased accountability to key stakeholders. Among the national challenges: the "raw" scenario of socio-economic development; reduction in the quality of secondary education; an imbalance between the center and the periphery; competition with foreign universities and domestic research centers; demographic "scissors". Among regional challenges in Udmurtia: uncompensated educational migration; continuity of generations of specialists in the labor market; traditional industries of regional economy. Modern state universities in Udmurtia, making certain administrative efforts to improve competitiveness, remain, mainly, as a transit universities for bachelors who receive budgetary or relatively low-cost but sufficiently high-quality training in their areas, which allows them to compete successfully for free tuition on master programs in universities in megacities. An integrated approach to solving problems related to these challenges can form the basis for transformation from the transit university format to the transitive one. The authors come to the conclusion that a special role in transitive universities should be assigned to university science. Science, in turn, should develop not only as problem-oriented, taking into account the needs of the region, but also, in close cooperation with the government departments of the republic, industry and business and culture – expert and prognostic functions, initiating mutually interesting scenarios of project multi-level cooperation.

Keywords: university; transit university; transitive university; educational migration; globalization; global challenges; national challenges; regional challenges